

Полюбите пианиста

Культура. 2000.
10-16 февр. С. 10

Звезды XXI века

“Новый век российского пианизма”, “Новые имена”, “Молодые таланты России” и другие подобные фестивали и конкурсы, а им несть числа, доказывают, что под девизом “Молодым везде у нас дорога” проходит сейчас вся наша жизнь. И, похоже, вперёд на этой большой дороге жизни вырвались пианисты. Вот, например, и на концерте под грифом “Звезды XXI века”, состоявшемся недавно в Зале Чайковского, “засветились” звезды-пианисты — Рэм Урасин и Александр Гиндин.

Второй фортепианный концерт Рахманинова (в программе участвовал Государственный симфонический оркестр телевидения и радиовещания под управлением П.Сорокина) — произведение, которое обязывает. Прежде всего из-за своей необычайной популярности. Профессионализм подразумевается сам собой — и Рэм Урасин его продемонстрировал. Музыкальность, которая в наши дни уже не подразумевается, — весьма желательна. Была и она. Но воплотить в интерпретации один из двух вариантов, возможных при благоприятном стечении обстоятельств, как то: продемонстрировать нечто очень “свое” или хотя бы скопировать

что-нибудь из лучших образцов, — пианисту все-таки не удалось. Как ни странно, в первом отделении больше внимания притягивал к себе оркестр — и по одной простой причине: его не смог увлечь ни пианист, ни дирижер, ни даже сам Сергей Васильевич. Печально, но факт: “аккомпанемент” к сольным излияниям наши оркестры как следует не учат, и слушатель, вместо того чтобы закрыть глаза и наслаждаться, частенько испытывает обиду за солиста или неловкость за всех вместе взятых. В данном случае (слава Богу, во втором концерте Рахманинов еще очень любил себя-исполнителя) многое было сыграно вместе и даже довольно чисто, добросовестно “отдули” свои соло валторнист, флейтист и кларнетист, но все это имело настолько бледный и вялый вид, что вспоминалась фраза из старого анекдота про скрипача-концертмейстера: “С детства музыку не люблю”.

Второе отделение стало торжеством победоносного пианизма Александра Гиндина, вышедшего на арену с Первым концертом Листа и его же “Пляской смерти”. Но это не было самодовольным и громогласным “Аз

есмы!”, как у иных молодых талантов. И без доказательств ясно, что с роялем пианист обращаться умеет, может взять и силой, и лаской. Красивый, колористически разнообразный и немного “сделанный” звук, почти безупречная техника, бодрящие темпы, в меру теплая кантилена. Словом, в Первом листовском концерте перед слушателем предстал именно “демоничный венгерец” — слегка поверхностный, очень эффектный и экзальтированный. В “Пляске смерти” тема *Dies irae*, как и положено, каждый раз являлась в новом обличье, раскрывая “оборотническое” мастерство не только Листа, но и пианиста: театрально мрачная чертовщина нашла удивительно естественное выражение в дьявольской виртуозности.

Ну а в ставшей традиционным бисом “Серенаде” Шуберта (и опять же Листа) Александр Гиндин показал, что на рояле он умеет нежно петь и даже говорить. Словом, “шапка” (читай — программа) оказалась “по Сеньке” (то есть по исполнителю), а умение подобрать такую “шапку” — тоже талант и секрет успеха.

Людмила АЛЕКСЕЕВА